

18+

Ирене Крекер
Жизнь не по учебнику

Россия — Германия

Ирене Крекер

**Жизнь не по учебнику.
Россия—Германия**

«Издательские решения»

Крекер И.

Жизнь не по учебнику. Россия—Германия / И. Крекер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515876-5

Книга рассказывает об удивительной судьбе женщины, родившейся в России и переселившейся в Германию в начале 90-х годов 20-го века. Через истории из реальной жизни читатель узнаёт о её прошлом и настоящем, о годах трудовой деятельности, в которые ностальгия соседствует с честолюбивыми планами. Достигнув определённого положения в России, героиня начинает новую жизнь с белого листа, не по учебнику. Две жизни в одной на грани двух культур — такое удаётся прожить не каждому. Ей удалось. Ей повезло.

ISBN 978-5-00-515876-5

© Крекер И.
© Издательские решения

Содержание

В новую жизнь	6
Жизнь невозможно повернуть назад	6
Орхидеи и жизнь с чистого листа	7
Великое дело – дружба	8
Осенний день на Рейне	10
Руководить – людям не вредить	12
Светлая грусть	14
Снегири, снегири и снег	17
Учитель – это навсегда	20
Перед уходом на пенсию	22
Рай на Канарах	23
Так кто же мы?	24
Осколки прошлого	26
Тропинками памяти	26
Незапрограммированная родословная	29
Приволье и дочь шахтёра	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Жизнь не по учебнику Россия—Германия

Ирене Крекер

Редактор Валентин Васильевич Кузнецов

Корректор Валентин Васильевич Кузнецов

Дизайнер обложки Ида Райт

© Ирене Крекер, 2020

© Ида Райт, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-5876-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В новую жизнь

Жизнь невозможно повернуть назад

Жизнь невозможно повернуть назад. А если бы можно было, пошла бы я другим путём или повторила всё сначала? Сразу на этот вопрос не ответишь. Тут нужно смотреть с позиций: к чему стремился, чего достиг, стоило ли на это тратить драгоценные годы жизни?

Порой смотрю на дочь и думаю: она вся в меня в молодости. За что берётся, всё доводит до конца, что задумает, всего добивается. А надо ли всё тщательно продумывать, доводить задуманное до конца, чего бы это ни стоило? Зачем стремиться всю жизнь, набивая шишки, добиваясь каких-то званий, регалий, потом, в одночасье, их терять, не понимая, почему так происходит? Нужно ли во главу угла развития ставить профессию, карьерный рост, славу, в конце концов материальный достаток?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно пропустить через себя всю жизнь, но стоит ли ворошить прошлое, ведь это всё те же думы о несостоявшемся. Человек строит себе жизнь сам, иногда поддаваясь мыслям о комфорте, при этом не всегда представляя, как трудно его достичь, да и достигнув, даст ли это ему состояние безмятежности, ощущение счастья, так необходимого для того, чтобы расправить душу и обрести внутреннее равновесие.

Порой мне кажется, что виной моих несбывшихся надежд является пресловутая нерешительность. Кому можно в таком случае предъявлять претензии «за бесцельно прожитые годы»? Ведь совершенно всё равно, где бы я их провела: на земле, родившей и вырастившей меня, или в Германии, на исторической родине предков, или на грани миров, где я сейчас проживаю.

Ностальгические воспоминания навевают мысли о потерянном рае.

Недавно получила сообщение из родных мест, что там был пожар, и наш дом, построенный отцом в трудные годы одной из советских пятилеток, серьёзно пострадал. Напротив дома, на огромной площади, недалеко от школьной территории, воздвигнут храм. Но запах родного пепелища не даёт по ночам покоя.

Орхидеи и жизнь с чистого листа

В один из воскресных дней я одиноко сидела за рабочим столом у компьютера. Морозное солнечное утро не предвещало ничего нового или неожиданного: никаких запланированных встреч, событий, отсюда вытекающих всплесков чувств и эмоций. Снежинки за окном неспешно плыли в объятиях холодного ветра. Голубое небо манило к себе и давало надежду.

Тогда я была ещё моложе и созерцала мир в ожидании редких мгновений неуловимого счастья. Но затворничество в четырёх стенах у монитора начало угнетать. В какой-то момент опостылело оставаться наедине с самой собой. Появилось страстное желание вырваться из домашней среды на свободу.

Взгляд упал на уже не первый день цветущие на подоконнике орхидеи. Появилась мысль: «Как давно я не обращала внимание на эти цветы. Какой красотой возрождающейся жизни веет от них! Цветы распустили бутоны, как будто приветствуют меня открытостью и белизной, скромной нежностью и гармонией цветов».

Орхидеи – мои любимые цветы с тех пор, как увидела их впервые. Они – символ Любви и Верности, Обновления и Возрождения. Цветок подарили дети. С тех пор прошёл почти год. В какой-то момент от него остались лишь голые стержни. Показалось, что он уже не возродится, но рука не поднялась убрать его с окна, выставить на улицу. Для меня это значило – потерять что-то светлое, уничтожить, предать.

Животворные руки мужа поколдовали над ним по какому-то ему одному ведомому ритму оживления, прикосновения, поливания, и цветок ожил, продолжил своё существование, получил вторую жизнь. Теперь он стал уже возрождённым подарком от мужа, который и не подозревает, что стал неожиданным героем моего рассказа.

«Вот так и человек, – подумала я. – Казалось бы, он лишился энергии, слаб, немощен, потерял ориентир в жизненной суете, но стоит обратить на него внимание, сказать доброе слово, похвалить поступок, и через минуту вы не узнаете в нём того бывшего, поникшего, потерявшегося, слабого и безвольного. Откуда только что возьмётся. А если ещё солнышко коснётся его своими лучами, ветерок пробежится по телу, лаская и приветствуя, прохожий улыбнётся, заставив, почему-то неосознанно, волнуясь, улыбнуться в ответ, то жизнь обретёт новый смысл, возможно начнётся с чистого листа».

Такова прелюдия того памятного зимнего утра, в которое я поняла, что всё, что происходит с нами, зависит от эмоционального настроения и волны свежего воздуха свободы, которые можно ощутить, соприкоснувшись с жизнью, став её участником.

С того момента прошло почти десять лет. За это время я дала волю своим желаниям. Увлекла мужа стремлением познать мир через посещение различных стран и континентов. Жизнь обрела смысл.

И вот встреча с вами, дорогие читатели. В дни непредсказуемых перемен, она даёт надежду на выход из создавшейся ситуации на новый жизненный уровень, наполненный мгновениями любви, добра и света.

Вспомнились слова Гёте из «Фауста»: «Остановись мгновенье, ты – прекрасно».

Великое дело – дружба

1993-ий год. Первые месяцы проживания на новой родине. Переселенческий лагерь земли Баден-Вюртемберг на юге Германии в тридцати километрах от Фрайбурга. Здесь больше четверти века назад состоялось наше с мужем знакомство с семьёй Галины и Павла Нофманн.

Мы нашли несколько точек соприкосновения в нашем прошлом. Оказалось, что наши семьи провели много лет в Сибири. В Красноярск Павел с Галиной приехали с целью обучения в политехническом институте, а мы с мужем на второй год после свадьбы – в поисках жилья и романтики. Так что тем для общения с друзьями нашлось предостаточно.

Да и реалии жизни оказались общими. Как-то я даже сказала, что мы – родня. Ведь уже около тридцати лет проживаем недалеко друг от друга в одном городе Кенцинген. Наши дети хорошо знают друг друга, общаются, насколько это возможно между молодыми людьми не совсем одинакового возраста. Сегодня даже не верится, что они уже старше нас тех, какими мы ступили на немецкую землю.

Первые годы проживания в Германии особенно памятливы. Мы тогда поставили перед собой определённые цели, но думали прежде всего о будущем детей. А для того, чтобы оно состоялось, нужно было построить фундамент и ощутить его под ногами. После окончания шестимесячных курсов немецкого языка начались походы по инстанциям в поисках работы и жилья. К тому времени уже невозможно было жить вчетвером и впятером в одной комнате во временном жилье, за которое наша семья, состоящая из пяти человек, платила к тому времени 870 марок в месяц.

Судьба развела нас на некоторое время. Павел с Галиной переехали километров на двенадцать дальше от города, а мы нашли жильё неподалеку от переселенческого лагеря. К тому времени мы с подругой нашли работу в качестве обслуживающего персонала в домах престарелых, а наши мужья стали строителями на разных предприятиях близлежащих городов.

А когда мы с Галиной три года просидели за одной партой в профессиональной школе/Berufsschule, приобретая профессию Examinierte Altenpflegerin/медсестры по уходу за престарелыми людьми, нам казалось, что ангел-хранитель находится где-то рядом.

Сейчас думаю, что ангелами-хранителями тогда были наши мужья, Павел и Лео, которые с первых же дней проживания в новой стране нашли себя на строительных предприятиях города. Они поддерживали нас, жён и детей, материально и морально.

Это было трудное для всех время, но профессиональное училище мы с подругой закончили одними из лучших. И ничего, что нам тогда было за сорок и что за плечами у каждой было высшее образование. Мы с трудом, но влились в ряды молодых местных, многие из которых тоже переучивались, чтобы улучшить условия своего труда.

Овладение новой профессией в другой стране, да ещё на немецком языке, было делом нелёгким. Думаю, мы с Галиной смогли получить новое образование ещё и потому, что были вдвоём и всегда держались вместе. Впрочем, местные коллеги уже тогда, более четверти века назад, говорили, что наши проблемы лежат в нас самих, а не в отношении коренных жителей к нам. По их мнению, мы, переселенцы, сами комплексуем, а потом пытаемся свалить вину на местное население. Наши одноклассники желали нам добра и помогали, насколько это было возможно. Такой стала для меня Моника, которой я особенно благодарна. Она всегда заезжала за мной на автомобиле, в любую погоду, зимой и летом, привозила в школу и обратно домой.

Так расширялся наш круг общения среди местных. Так врастали мы корнями в новую жизнь. По окончании профессиональной школы мы с Галиной без проблем нашли работу по профессии. Мне к тому времени было уже 48, а ей – 43 года. Сегодня говорю подруге спасибо за то, что все эти годы она поддерживала меня морально. Не так-то прост был для меня

переход от профессии учителя, директора школы к тяжёлой физической работе по обслуживанию пожилых людей с психическими заболеваниями.

Более двадцати лет отработали мы с Галиной по профессиям, приобретённым в Германии. При этом ни я, ни она ни одного дня не пожалели об избранной специальности и ни одного дня не были безработными.

Несколько лет назад я ушла на заслуженный отдых. Галине ещё предстоит несколько лет поработать. Но так как она находит удовлетворение от общения с обитателями дома престарелых, и в трудовом коллективе её уважают как специалиста, я надеюсь, что она сможет доработать оставшиеся до пенсионного возраста годы, лишь бы не подвело здоровье. По себе чувствую, что, если бы срок ухода на пенсию по старости в нашей профессии был сокращён хотя бы на два года, можно было бы этим помочь больничной кассе значительно сократить расходы на лечение пенсионеров.

Мне не хочется, чтобы у читателя сложилось мнение, будто мы, уехав из России, проживая в новой стране, только работали. Нет, мы научились и организовывать своё свободное время. Одно время у нас была общая дача, и увлечение одного из мужей рыбной ловлей стало ещё одной возможностью сближения семей на лоне природы.

В настоящее время наши дети стали взрослыми. Каждый имеет за плечами годы учёбы, овладения профессиональным мастерством. Совершенствуя свои знания, они работают на различных предприятиях города. Мы гордимся ими. А они радуются за родителей, за то, что каждый из нас доволен жизнью, молод душой, имеет дело по призванию.

В последние годы мы с друзьями совершаем совместные поездки в страны дальнего и ближнего зарубежья. Так, например, несколько лет назад в Париже отмечали шестидесятилетие Павлу, а моему мужу Лео – в Кенцингене, мне – в Швейцарии, а Галину поздравили с этой датой на знаменитой горе Тайде вулканического происхождения, совершив совместную поездку на канарский остров Тенерифе в Атлантическом океане.

Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что при всех трудностях вживания в новую среду, в нас осталось главное – умение дружить, умение слышать и понимать друг друга, любознательность, желание открывать новые жизненные горизонты.

Осенний день на Рейне

Каждый день книга жизни пополняется новыми страницами. Их пишет сама жизнь. Строки письма плавно плывут параллельно мелодии закатов и восходов, дыханию леса и птичьему пению. Деревья красуются своим багряно-золотистым нарядом. Ветер колышет разноцветную листву. И, кажется, что сказке нет ни начала, ни конца.

Сегодня воскресенье. Павел, друг мужа, пригласил его на Рейн порыбачить. Мне тоже захотелось в Осень, и я отправляюсь с ними, взяв с собой фотоаппарат, ноутбук, смартфон, чтобы понапрасну не терять время. Через полчаса мы уже на Рейне, на германско-французской границе. Точнее сказать, мужчины рыбачат на французской стороне, а я люблюсь красотами немецкой. В этом месте есть переход через Рейн по мосту. В него встроены шлюзы, которые регулируют высоту и сток воды. Мост через Рейн соединяет два государства, но мужчины свернули перед ним к месту рыбалки. Здесь натянута металлическая сетка, в которой приблизительно три метра свободного пространства. Это – своеобразные ворота во Францию.

У нашего друга лицензия на ловлю рыбы – французская. Она дешевле, чем германская. Проходим не более двух метров по территории другого государства и метров за сто до моста спускаемся по камням к воде. Павел укрепляет свои четыре удочки, а больше удочек он не имеет права даже держать в руках, за это полагается штраф.

Сама по себе рыбалка интересует меня меньше всего, но когда улов достигает двадцати рыбёшек, подлещиков, я воспринимаю это как один из даров Осени. Улыбаюсь, потому что знаю, что мужчины отпустят этих глупеньких в конце рыбалки в воды Рейна. Представляю, как они махнут нам хвостами вместо прощания, погружаясь в синеву реки. Таковы здесь обычаи. Рыбу ловят ради самого процесса наслаждения рыбной ловлей, а рыбки – Божьи создания, пусть живут своей жизнью дальше, тем более, что часть улова – «несовершеннолетние».

Сидя на камнях у реки, пытаюсь войти в интернет через смартфон, но не получается. Тогда перехожу через условные ворота на немецкую сторону: сначала за два метра от металлической изгороди, потом дальше – метров на пятьсот. В течение примерно часа прогуливаюсь по берегам обоих государств, но ни на одной стороне Рейна так и не могу войти в интернет. Правда, в какой-то момент получаю сообщение, что у меня дешёвый тариф, во Франции он, оказывается, в десять раз дороже.

Знаю, что во Франции свои законы, но удивляюсь тому, что даже на немецкой стороне Рейна меня ждёт неудача. Видимо, Осень позаботилась о том, чтобы меня ничто не отвлекало и не мешало созерцать красоту природы сегодняшнего дня, успокоила и настроила на лирический лад.

Границы между Германией и Францией здесь практически не существует, да и не нужна она. Интересно, а рыбка, которая плавает у французского берега, – это собственность Франции, а стоит ей проплыть несколько метров – и она уже принадлежность Германии?

Улыбаясь своим мыслям, оглядываюсь вокруг – и замираю от увиденного.

Представьте себе небольшой залив, окружённый деревьями разных пород, начиная с белоствольных берёзок и заканчивая кустами ивы и красной калины. Ещё нет листопада, но шелест листвы напоминает о нём. Небо затянуто белоснежными перистыми облаками. Чайки громким криком нарушают тишину дня. А солнце, всё ниже опускаясь к горизонту, пробивается через сгущающиеся облака, отражаясь серебристым блеском в водах Рейна.

Мы приехали сюда уже во второй половине дня, поэтому посчастливилось понаблюдать за жизнью природы и в вечернее время. Сказка дня продолжается. За несколько часов, проведённых здесь, перед глазами сменилось множество картин, встрече с которыми позавидовали бы живописцы.

Волшебство природы не оставляет меня равнодушной. С волнением наблюдаю за голубовато-серой дымкой заката. Вижу, как на глазах меняются краски от светлых, голубовато-сиреневых, до сиренево-багряных тонов. Таким небо бывает только осенью. Отражение деревьев в их жёлто-красно-коричневых тонах разрисовывает воду Рейна. Не успеваю делать заметки в блокноте, настолько быстро происходят изменения в природе.

В какой-то момент, сидя на большом камне отвесной береговой полосы, чувствую посторонний звук, оглядываюсь назад, и – вижу, белый пудель, заглядывая мне через плечо, читает написанное. От неожиданности вскрикиваю, чем пугаю рыбаков. Через несколько минут над Рейном раздаётся громкий смех свидетелей этой сцены. На фотографии, сделанной мужем, осталось свидетельство момента: белый пудель тянется своей хитрющей мордочкой к большому красному яблоку в целлофановом пакете...

Осень струится по Рейну отблесками последних лучей солнца, неожиданно быстро пропадающих за горизонтом и в волнах Рейна. Потянуло холодком. Сумерки стремительно переходят в темноту ночи. Мужчины быстро собирают рыбацкие принадлежности, и мы спешим в темноте к месту парковки автомобилей.

Но ещё нет и восьми часов вечера. Вспоминаются слова Ларисы Рубальской:

«Моя душа настроена на осень,
Гостит печаль на сердце у меня.
Опять часы показывают восемь —
Короткий миг сгорающего дня».

Ноябрь наступает. Его дыхание ощущается через прохладу вечера. И завтра будет новый день. Начинается новая пора: листопад и проливные дожди. Понимаю тех, кто говорит, что ноябрьские дни созданы для пледа и горячего чая. Мы едем домой – к теплу родного очага. И это прекрасно, что дома нас ждут дети, что есть с кем поделиться впечатлениями и радостью от соприкосновения с природой.

Руководить – людям не вредить

Два десятилетия я проработала в России учителем, методистом, инспектором, директором школы и поэтому была знакома со многими руководителями различных рангов. А переехав в Германию, начала жизнь с нуля во всех смыслах. Сразу поняла, что значит, достигнув вершины горы, оказаться в яме. Поняла и другое, что каждый труд почётен, начиная с технички, заканчивая руководителем предприятия. Общее для каждой профессии – качественное выполнение обязанностей и уважение к сотрудникам.

Из ямы я наполовину выбралась через пять лет, когда, проучившись три года в медучилище, получила свидетельство санитарки по уходу за престарелыми людьми и отработала два года в клинике по уходу за психически больными. Вот там-то, мне и удалось на личном опыте узнать значение слов: конкуренция и моббинг. Это две стороны одного процесса, направленного на уничтожение человеческого достоинства. Заведующая отделением сразу увидела во мне конкурента. Через год, когда главный шеф запланировал отправить меня учиться на заместителя заведующей отделения, она предприняла все меры, чтобы этого не случилось. В ход пошло всё: наущничество, подтасовка фактов, подлог. Повышение моей квалификации не состоялась.

В день краха надежд – выскочить из ямы, в квартире прозвучал телефонный звонок. Подружески, выполняя просьбу руководителя отделения, одна из коллег сообщила, что психиатрическая клиника научно-исследовательского института, расположенная в областном центре, ищет обученных санитаров. Она сообщила мне номер телефона. Я, долго не раздумывая, позвонила по нему. Результат оказался неожиданным: пригласили на собеседование.

Ура! Через месяц я – сотрудник отделения по обслуживанию двадцати восьми человек с ограничениями в психическом развитии. Персонал – обученные специалисты-санитары, медсёстры, воспитатели, психологи, врачи. Непосредственный начальник – мужчина, заведующий отделением.

Первые десять лет работы были для меня счастливыми: нашла своё место в жизни, уважала шефа и персонал, и меня уважали. Но на одиннадцатый год шефа повысили, и на его место к нам направили интересное создание с большим опытом работы обслуживающим персоналом в доме престарелых. Женщина была новичком в руководящей должности и перфекционисткой, фанатиком-трудоголиком и человеком с другой планеты. Её странная походка, неуверенные движения, неожиданное появление там, где её не ждали, манера говорить, не глядя на собеседника, не вызвали доверия. Коллеги сократили общение друг с другом в её присутствии. Она страдала от неумения установить контакт с персоналом.

Я видела её слабые и сильные стороны. Пыталась помочь в создании доверительного микроклимата в коллективе. Однажды она в ответ на мои слова в ярости швырнула на пол бумаги. В следующий раз закричала пронзительно: «Меня бесит, когда вы говорите от имени коллектива. Не говорите „мы“, в ваших советах я не нуждаюсь». Было больно видеть, как она разрушала всё, что было создано до неё в отделении.

Под таким чутким руководством работать не хотелось. Она это чувствовала. Начались придирки, давление сверху. Сначала выговаривала голосом ментора при людях, потом, через пару часов, вызывала к себе, на чашечку кофе. В процессе индивидуальных разговоров под протокол спрашивала о взаимоотношениях с коллегами, о том, что нравится в их работе и что не нравится. Так она вела себя не только со мной, но и с другими.

Узнав о моей многолетней дружбе с Кристиной, сначала перестала ставить нам в один день рабочие смены, а коллега меня привозила на своей машине на работу, потом внесла недоверие в отношения, подорвала доверие друг к другу.

Достигнув цели, находила новое, чем задеть, унижить. Одновременно рассказывала о мероприятиях в городе литературного характера. Благодаря ей я познакомилась с переводчицей Достоевского, нашла литературные мастерские. Она приносила мне книги для чтения и в то же время ставила большое количество ночных смен, которые трудно было выдержать в моём возрасте. Всегда напоминала, что много хорошего сделала для меня, к примеру, отпустила в отпуск без содержания в период болезни моей мамы.

В одну из рабочих смен после того, как я на планёрке сказала, что нужно бережнее относиться к людям и что трудно работать троим за пятерых, мне было предложено пойти к врачу.

Чтобы избавиться от унижения со стороны заведующей, я нашла в городе двухгодичные курсы руководителей отделения. Меня приняли, так как имела подтверждённый диплом о высшем образовании и российское свидетельство медсестры запаса, которое получила в педагогическом институте. Два года за свой счёт в свои выходные проучилась на курсах по очно-заочной системе.

Когда получила диплом, меня не повысили в должности, но и гонения прекратились.

Светлая грусть

Разные страны – разное мышление. Действительно ли это так? Можно ли найти себя в стране, которая тебя не растила? Или человек чувствует себя комфортно там, где о нём заботятся, где он чувствует свою нужность? Эти вопросы не раз посещали меня в первое десятилетие проживания в новой стране.

Через какое-то время я поняла, что здесь не нужно переходить на частности и судьбы. Человечество – это понятие, распространяющееся на каждого, живущего на нашей планете. Я – не философ, не психолог, не поэт, но в душе – романтик. Я не понимаю, зачем существуют границы, разделяющие людей на территории и государства. Мне хотелось бы, чтобы все говорили на одном языке. Мечтаю о том, чтобы все народы жили дружно, счастливо и чтобы не было войн.

Ветром времени и обстоятельств, вырванная с корнями из земли, родившей и вскормившей меня, оказалась я вне Страны Советов и в настоящее время являюсь сторонним наблюдателем происходящих в ней и вокруг неё событий.

Скажу честно, мышление осталось прежним, характер не изменился, взгляды на жизнь те же. Что воспитано и впитано с детства, того не переделать. Это и через годы прорастёт. Менталитет тоже не переродить.

Можно ли изменить характер? Конечно, его можно даже ломать: научиться приспосабливаться, приравниваться, пристраиваться. Можно и переучиться на другую профессию, совершенствовать свои знания в предыдущей. Можно найти новые приоритеты, переосмыслить старые.

Главное, чтобы человек имел почву под ногами. А это я вижу в стабильности, которая даёт уверенность в завтрашнем дне. Человек должен просыпаться утром и быть спокойным, что не произойдёт непредвиденных событий. Для этого не нужно постоянно говорить о любви к Родине, о её врагах и друзьях, о политике.

В стране моего сегодняшнего проживания, в которой царят чёткость, организованность, уважительное отношение граждан друг к другу, семейный достаток, порядок, чистота, обеспеченная старость, можно жить, учиться, отдыхать и не бояться за будущее детей.

Единственное, что ограничивает возможность чувствовать себя здесь дома – это языковой барьер, и в связи с этим чувство какой-то неполноценности, ущербности, понимания, что ты чужой, что здесь к тебе относятся не как к равному, а как к иностранцу. К приехавшим из России в Германии отношение особое. По произношению, акценту, их узнают сразу по первому произнесённому слову. При этом не играет роли ни историческое прошлое, ни немецкое происхождение. Это создаёт дискомфорт.

Человек привыкает ко всему, но для этого нужно время. Выкопай куст из земли, пересади его в другое место, он может прирасти и не прирасти, не всегда и не на каждой земле. Материальный достаток тоже играет определённую роль, но его нужно самому создавать, а это труд, и в основном физический.

В Германии тоже есть прослойка населения, которая упала на дно. Государство помогает всем, как может, но если человек не обратится в соответствующие органы, и не попросит материальной помощи, то он может стать асоциальным элементом. Человек сам ответствен за себя. Выбор делает он сам, за что и несёт ответственность перед собой и людьми.

А ностальгия? Да, это чувство присуще каждому. Я знаю, как оно проявляется, и что при этом чувствует человек по возвращении в родные места.

Здесь, в Германии, я даже в первые годы не испытывала этого чувства. Была боль по утраченной профессии, по потере уважения к своей персоне со стороны окружающих, по оставленным холмикам земли на кладбищенских погостах, но нет и не было боли, сжимающей сердце,

нет тоски по утраченному, осталась лишь печаль в глазах и светлые юношеские воспоминания, что является частью памяти, частью себя.

Долго я прирастала корнями к незнакомому миру. Осталась тихая непреходящая грусть от чувства, утраченного из достигнутого в родном краю и внутренней неудовлетворённости итогом, к которому пришла здесь, сейчас, сегодня. Но это чувство было присуще мне и на малой родине, где произошло становление и развитие моего характера. Грусть связана с мыслями, что жизнь проходит. Последние двадцать пять лет пролетели как единый миг. Только по младшему сыну заметно, что годы прошли. Когда мы ступили на землю предков, ему было неполных три года – сейчас тридцать. Он прирос здесь корнями, не имеет языковых барьеров, овладел профессией, которая приносит радость. Относительно профессионального становления это же можно сказать и о двух старших детях. О чём можно ещё мечтать матери?!

Дискуссий на тему: правильно ли мы сделали, переехав в Германию, – в семье не возникает. Каждый занимается своим делом, развивает свои способности и наклонности, думает по-немецки. Правда, наши дети не всегда могут понять, почему средства массовой информации столь различно трактуют одни и те же события, происходящие в мире? Почему родители смотрят всё ещё русские программы по телевидению, хотя прилично владеют немецким?

У нас есть возможность исколесить весь мир, отдыхать ежегодно на море, встречаться с друзьями из России на территории Германии. Душа, наконец-то, нашла покой в мире относительного спокойствия и достатка. Единственно, что доставляет порой трудности, это отсутствие информации по элементарным вопросам жизненного устройства страны. Умение создавать себе островок спокойствия посреди Европы зависит как от воспитания, полученного в детские годы, так и от особенностей характера, от знания традиций и законов стран рождения и проживания. Вот, например, я, учитель русского языка и литературы, от страха материально не выстоять в новой стране, переучилась на профессию, близко не соответствующую моим представлениям о своих способностях. Хорошо, что новая деятельность оказалась мне по душе, и я сумела совместить её с прежним жизненным и профессиональным опытом, тем самым обрела душевное равновесие и поднялась на ступеньку выше в духовном развитии, но это может не каждый.

Несколько лет назад я освоила в элементарном виде пользование компьютером и начала рассказывать людям о пережитом, передуманном. Эта творческая работа помогла выбраться из «бермудского треугольника», нескончаемого лабиринта скованности мысли, начинавшего влиять на нервную систему, давить на сердце. Я думаю, если найдётся хоть один человек, который захочет помочь переселенцу-иностранцу практически выйти из зацикленного на себе состояния, то можно избежать многих последствий духовных срывов.

Я написала уже определённое количество произведений малых форм и хотела бы услышать рецензию опытного человека по поводу моих творений. В этом плане чувствую себя слепым котёнком, «человеком в футляре», который в течение двух последних лет ищет двери, куда можно постучаться, и они, возможно, откроются. Я пытаюсь познакомиться с людьми из круга хотя бы читающих местных, чтобы попытаться найти возможность перевести хоть пару произведений на немецкий.

В стране предков, где веками строился порядок, основанный на внимательном справедливом отношении к каждому человеку, где социальная система работает на все социальные слои общества, можно быть спокойным за ближайшее будущее, без страха идя по жизни, а там время покажет.

Сегодня выдался прекрасный солнечный день. Свежий воздух дурманит запахами черёмухи, сирени, цветущих черешен, яблонь, чёрной рябины. Море распустившихся цветов, и среди полевых – наши одуванчики, ромашки, колокольчики, клевер.

У меня появилось желание совершить прогулку на природу, к нашему озеру, к всегда плывущим по нему белым лебедям и диким уткам. На полях встретят аисты, не боящиеся человека, пение птиц музыкой отзовется в наполненной светом душе.

Что ещё нужно человеку для счастья, если сердце его полно любви ко всему окружающему, а душа светится от сознания правильности выбранного пути.

Снегири, снегири и снег

Конец февраля, а на юге Германии в земле Баден-Вюртемберг всё ещё нет настоящей зимы. Как-то однажды выпал снег, это было ещё до рождественских праздников, но сразу растаял. В середине января мы только неделю любовались сосульками в память о сибирской зиме. Температура воздуха в последние дни – плюс-минус три градуса. Синоптики обещают неожиданное потепление. Многие деревья до сих пор не сбросили свой зелёный наряд.

Помню, что, проживая в Сибири, купаясь в сугробах снега, я не раз думала словами песни из мультфильма «Зима в Простоквашино»:

«Кабы не было зимы
В городах и сёлах,
Никогда б не знали мы
Этих дней весёлых.
Не кружила б малышня
Возле снежной бабы...»

Тогда я, конечно, не знала, что это стихи – детского поэта Юрия Энтина на музыку знаменитого композитора Евгения Крылатова.

Почему-то сегодня мне вспомнился этот мультфильм. Мы с мамой любим смотреть его длинными зимними вечерами, когда в доме спокойно и тихо. В душе наступает умиротворение. В такие вечера мы часто говорим об отце, который ушёл из жизни рано, но был оптимистом по натуре и любил всё прекрасное: поэзию, музыку, театр. В нём уживались мужчина, перенёсший на своих плечах горести и тяготы тяжёлого военного и послевоенного времени, и чистая душа ребёнка, который умел радоваться прекрасной погоде, узорам, разрисованным морозцем на окнах, красногрудым снегирям, неожиданно появляющимся на деревьях, детям, строившим зимние ходы, снежным бабам во дворе. Он всегда улыбался своей простодушной улыбкой и находил время для всех, даря доброту и ласку. Отец любил выступления Валентины Толкуновой. Ему нравились её простота и естественность, спокойное исполнение песен. А мультфильмы... Они всегда были интересны даже мужчинам, прошедшим годы суровых испытаний, когда ты не знаешь, что готовит тебе судьба.

«А мне вот, – подумала я с грустью, – судьба уготовила зиму без снега, без снегирей и без сибирских снежных сугробов».

Выхожу на улицу и замираю в удивлении. На ветках дерева – красногрудые снегири. Как током меня пробило. Откуда они здесь? Не привет ли это с родины?

А память выдаёт уже другую картину прошлого: птицы как будто прилетели из рабочего зимнего дня, забытого в суете повседневности.

«Поиспачканы в чернилах твои пальцы,
Ты тетрадки проверяешь и во сне.
Просыпайся же скорее, просыпайся,
Улыбнись весне и мне.
Снегири, снегири в окне,
Снегири, снегири и снег».

Когда же это было? Да, в 1972-ом году, когда я, только что выйдя замуж, молодым специалистом пришла в школу 7 посёлка Чебалсу города Междуреченска. Всё – новое, взрослое, профессиональное: учителя, ученики, обстановка. Осень в тот год, как всегда в Сибири, была

короткой, недолгой. А в начале октября уже повалил снег. В свободное от работы время мы с коллегами спускались в нашу с мужем небольшую квартиру при школе. Марк Иванович Войткевич, организатор по внеклассной работе и учитель истории, растягивал меха баяна, и мы, учителя средней школы, вдохновенно пели. И как пели! Тогда эту песню я услышала впервые. Исполнял её всеми любимым Марк Иванович. Мне казалось тогда, что он сам сочинил эту песню для меня, длинноногой молодой учительницы литературы, впервые в новом качестве переступившей порог школы.

«Просыпайся же скорее, просыпайся,
Это очень хорошо, когда мы вместе.
На сибирской молодой земле.
Припорошены морозом мои песни.
Это песни о тебе».

«Снегири, снегири и снег...» раздавалось за окнами по вечерам. Я не удивлялась тому, что мои десятиклассники, улыбаясь, как бы между прочим, напевали эти бесхитростные строки и на уроках. Позже я никогда больше не слышала этой мелодии. Через годы покинула стены сельской школы, но память сохранила многое. Долгие годы для меня было загадкой, кому принадлежат слова и музыка этих строк. Спросить было некого. Разбросала нас судьба по разным сторонам Союза, и забылась эта история за давностью лет. Но вот сегодня, когда я увидела снегирей, сидящих на дереве, мне вспомнилась прекрасная пора юности, когда нам было всё по плечу, и мир казался сотканным из золотисто-светлых вечных красок снежной сказки, постучавшейся в ту зиму впервые в моё сердце.

Я написала подруге, учителю химии Ольге Михайловне Серезенковой, письмо с просьбой вспомнить тот кусочек нашего совместного прошлого и помочь мне воскресить в памяти слова незабытой с годами мелодии. Я знаю, что исполнитель песни проживает в далёком сибирском городе, в котором остались мои коллеги. Может, они помогут воскресить эту страницу нашей совместной жизни и передать Марку Ивановичу слова приветов из далёкой Германии. Пока я силилась вспомнить правильные строки песни, подруга откликнулась на мою просьбу через сайт «Одноклассники». Результатом поиска явилось её неожиданное сообщение, что песня привезена в наш город из Всесоюзного пионерского лагеря «Орлёнок».

Вот так, от воспоминаний – к песне, от песни – к встречам. Нить памяти не прерывается ни на мгновение. Она ведёт в те заснеженные дали, напоминает о мгновениях счастья, помогает воскресить в памяти значительные события, не забывать тех, кто дорог.

Каково же было моё удивление, когда я узнала, что автор слов этой песни – Анатолий Третьяков, поэт, знакомый мне с юности. Свою первую песню «Снегири, снегири» он написал в соавторстве с красноярским композитором-песенником Александром Шемряковым в начале шестидесятых годов на трассе Абакан-Тайшет. В те годы с ансамблем танца Геннадия Петухова «Енисейские зори» песня побывала на гастролях в Америке, исполнялась на «Голубом огоньке» в Москве, записана фирмой грамзаписи «Мелодия».

Через много лет я вновь читаю стихи Анатолия Третьякова, и только сейчас осознаю, что тогда поэт покорила меня простотой, искренностью и открытостью души. Его лирика проникнута любовью ко всему на свете. О чём бы он ни писал: о природе, о небе, о звёздах... о снегирях – он всегда говорит о душе человека и о своей ранимой душе.

На этом история о снегирях не закончилась. Через много лет, находясь у экрана телевизора, я услышала песню «Снегири» в исполнении Сергея Трофимова. Это была другая песня, с другими словами и на другую мелодию, она рассказывала о чувствах незнакомого мне человека, вызывала личные переживания, вела в мир прошлого. И я снова пыталась осмыслить прошлое с точки зрения настоящего.

«За окошком снегири греют куст рябиновый,

Наливные ягоды рдеют на снегу». Душа откликнулась на эти строки внутренней мелодией ушедших счастливых мгновений. «А рябина на снегу плачет белым инеем», – звучат во мне строки песни, не только навевая печаль, но и давая надежду, вселяя оптимизм и веру в завтрашний день.

Учитель – это навсегда

Прекрасный зимний день. Даже через закрытые окна ощущаю притягательную и жизнеутверждающую силу солнечных лучей. Невозможно остаться равнодушными к зову природы, и мы всей семьёй отправляемся на машине на знаменитую реку Рейн, протекающую недалеко от города.

Нам несказанно повезло. С десятков белых лебедей, находясь в двух метрах от берега, держась тесно парами, плавно и величественно скользят по воде. Вдруг что-то заставило первую пару приостановиться. Появилась прекрасная возможность за ними понаблюдать. Божественны! Сила, красота, величественная осанка – всё при них. В их белоснежном оперении высокий слой пуха, нет, несколько слоёв. Шею держат прямо. Гордые птицы. Тишину нарушают громкие гортанные звуки. Лебеди беседуют. Мы бросаем им кусочки хлеба и поражаемся их степенному приёму пищи.

По дороге домой душевное беспокойство охватило меня, направило мысль в сторону воспоминаний. Всё, что было и прошло, не отпускает, заставляет прислушаться к собственному эху памяти, тем более что люди, с которыми соприкасаешься по жизни, не дают забыть прошлое, напоминают о себе.

В прошлом году мне представился случай посетить родные сибирские места. Об этом я сообщила друзьям, одноклассникам, ученикам и всему миру по интернету. В ответ пришло много откликов, но один из них – от моего ученика Сергея, выпускника 1980-го года – потряс душу своей искренностью и непосредственностью:

– Ирэна Ивановна, я Вас очень прошу, если приедете в наш город, сообщите мне, позвоните, я очень хочу Вас видеть.

Я не могла равнодушно пройти мимо этих строк. Встреча с Сергеем состоялась в один из январских дней на берегу сибирской реки Томь, где мы заранее организовали её с моими бывшими учениками. День выдался солнечным. Запах родины: крепкий морозец наполовину с резким ветром, обжигающим лицо, высокий костёр, разведённый на берегу реки в честь моего приезда, безграничное покрывало снега, накрывшее застывшую реку Томь, встретили нас теплом многолетней разлуки. Это было место наших давних встреч в воскресные дни, откуда всегда начиналась пробежка на лыжах по уже проложенной кем-то лыжне.

Воспоминания не заставили себя долго ждать.

– Вы знаете, – начал Сергей, слегка покраснев от внутреннего волнения и смущаясь от неожиданно нахлынувших чувств, – когда-то Вы перевернули мне душу. Это случилось для меня неожиданно, как будто я проснулся от зимней спячки и увидел природу одухотворённой, в необычных разноцветных жизненных красках.

– Что же это был за момент? – спросила я тихо, чтобы не спугнуть ход его мыслей. – Что заставило тебя тогда по-новому взглянуть на жизнь?

– В тот день Вы рассказывали нам о творчестве Бориса Васильева и читали отрывки из его повести «Не стреляйте в белых лебедей». Пока Вы, Ирэна Ивановна, рассказывали нам о судьбе Егора Полушкина, познакомили с его сыном Колькой, лесником Юрием Петровичем и молодой учительницей Нонной Юрьевой, чем-то неуловимо похожей на Вас, я находился в состоянии ожидания, что же готовит им судьба. Я и предположить не мог, что Егор станет лесником, закупит в Москве лебедей, и озеро из «Чёрного» опять станет «Лебяжьим».

Я слушала Сергея и вспоминала тот урок литературы, когда сама, потрясённая содержанием повести, пришла в класс и поделилась с учениками моими мыслями и чувствами.

Сергей продолжал свою исповедь:

– А конец повести вообще потряс меня своей трагичностью. В тот день я пришёл домой как помешанный, какой-то опустошённый, и в то же время просветлённый. Я хотел, чтоб

лебеди жили. Я не мог понять, почему люди бывают столь жестокими. Чувство сопричастности к роду человеческому возымело своё действие. Я ненавидел тех, кто убивает лебедей. С этого урока и именно этого произведения началось моё становление личности и проявился интерес к литературе.

После таких признаний учеников появляется желание жить и творить, и не имеет значение то, что ты сейчас не учитель, а медсестра и что тебя окружают не ученики, а больные люди, которым нужно не твоё творчество, а забота и участие. Главное, что душа находит точку опоры после таких признаний учеников. Приходит и понимание, что жизнь прожита не зря.

Перед уходом на пенсию

Проводы себя на пенсию я отмечала между рабочими сменами, заказав несколько тортов и приурочив мой праздник к моменту, когда обитатели нашего дома престарелых при психиатрической клинике пьют кофе. Празднование состоялось примерно с 14:00 до 15:00. Потом до 21:15 отработала смену, а наутро – ещё последние перед отпуском восемь часов утренней смены. Устала невероятно.

Но сейчас речь не об этом.

Через несколько часов после того, как я переступила порог своего дома, прозвучал телефонный звонок. Подняв трубку, услышала недовольный голос заведующей отделения:

– Фрау Крекер, Вы забыли отдать ключ от шпинта. (А шпинт – это шкафчик, в котором в раздевалке хранятся мои личные вещи).

– Помилуйте, фрау Шмидт, но у меня впереди месяц отпуска. Мне ещё предстоит сдать рабочую одежду, и несколько кителей находятся в прачечной, а другие в шпинте, – попыталась я оправдаться.

– Но Вы поймите и нас, фрау Крекер, нам просто необходимо это помещение, новые работники нуждаются в нём.

– Простите, но я ещё не получила окончательный документ о пенсии. Имея его, смогу получить обходной лист и по нему под расписку сдать другие ключи и рабочую одежду.

– Так, когда Вы привезёте ключ от шпинта? – холодно прозвучало в ответ.

– Уважаемая фрау Шмидт, дело в том, что я живу в пятнадцати километрах от здания клиники, и Вы это прекрасно знаете, – ответила я, при этом хорошо понимая, что придётся потратить минимум три часа времени и десять евро на проезд в общественном транспорте, чтобы отдать ключ от шкафчика и вернуться обратно.

Мысль пролетела в мозгу, но я промолчала, так как привыкла на работе молчать, не затрагивать спорные темы, приспосабливаться к ситуации. Сама по себе я – человек дисциплинированный и уже готова была поехать на работу и отдать этот злополучный ключ заведующей. Практически я им и не пользовалась, так как он заедал в замке и тем самым доставлял мне дополнительные проблемы перед или после работы. Об этом я сказала руководительнице, назвав ей номер моего шкафчика и позволив им пользоваться коллегам пока без ключа.

– Так, когда Вы привезёте ключ? – спросила она снова холодным тоном, напомнившим мне запись автоответчика. Эти слова звучат во мне и сегодня, вызывая неприятное ощущение человека, выброшенного на улицу, хотя по собственному желанию ушедшего на заслуженный отдых.

– По крайней мере не завтра, – ответила я ей, теперь уже тоже с холодной ноткой в голосе, и положила трубку. Муж, частично слушавший этот разговор, был возмущён. У меня почему-то очень разболелась голова и, ночь, последовавшая за этим разговором, оказалась бессонной. Немного забегаю вперёд, скажу, что злополучный ключ, я отвезла в клинику через три дня. А через две недели, когда я снова приехала в отделение с целью – сдать другие ключи и рабочую одежду, обнаружила, что мой шпинт открыт и пуст.

Это было позже, а в ту бессонную ночь я думала о том, что придётся потратить ещё один день последнего отпуска на бессмысленную поездку в соседний город, перебирала в памяти прежние обиды, которые до сих пор отзываются болью. Мне почему-то вспомнились и коллеги по совместной работе, которые уходили на пенсию молча, а потом приглашали куда-нибудь в ресторан избранный круг друзей, в число которых никогда не входили наши руководители.

Рай на Канарах

Надолго запомнился один из дней пребывания на острове Гран-Канария посреди Атлантического океана.

На небе ни облачка. Жизнь даёт о себе знать звуками прибоя, криками чаек и радостными голосами детей. Пляж тянется бесконечной полосой, а я иду по нему и оставляю следы на песке, смываемые набежавшей волной.

Поддавшись эмоциональному настрою, оставляю мужа на лежаке под зонтом, а сама вливаюсь в поток босых, полуобнажённых людей, бредущих по берегу с рюкзаками за плечами. Поражаюсь, что за условным ограждением пляжа начинается пустыня. Замираю, увидев на песчаном бархане силуэты молодых, сумевших туда подняться. Дикий пляж без условий и ограничений отвоевал себе здесь личную территорию. Туристы продолжают движение вперёд. Мне почему-то становится тревожно, и я, добежав до места стоянки, слышу раздражённый голос мужа: «Где тебя носит, неугомонная? Говорил же тебе...». Я как никогда рада его недовольно-поучающему тону. Расстояние до гостиницы преодолеваем за несколько минут. Вот таким оказался рай под пальмами. Бывает и на него проруха, замедляю шаги. Неожиданно всё вокруг меняется. Чайки кричат пронзительно. Внезапно набежавшая волна окатывает с головой и тянет в пучину. Ветер крутит песчаные барханы. От моей беспечности не остаётся и следа. Вырвавшись из объятий океана, бегу обратно, а волны сбивают, наступают на пятки, сопровождают пеной, грохотом и воем.

Так кто же мы?

В Германии я проживаю вот уже три десятилетия, и потому являюсь непосредственным участником и свидетелем продолжающегося процесса интеграции народа, немцев по историческим корням из бывшего Советского Союза, в жизнь страны, которая стала для наших детей второй родиной.

Недавно мне вспомнилось, как отец, родившийся в одном из немецких сёл на Урале, говорил своим знакомым-немцам, депортированным вместе с ним в Сибирь: «Я хочу, чтобы мои дети не испытали того, что испытал когда-то я. Хочу, чтобы они по-настоящему адаптировались в русской среде. Им здесь жить. И я хочу, чтобы ярлык „фашисты“ не висел над их головами, как дамоклов меч». Именно отец, мой самый дорогой человек, поддержал когда-то моё решение – стать учителем русского языка и литературы, хотя я могла бы учиться и на факультете иностранных языков.

В процессе жизненного пути я поняла, что жизнь не спрашивает нас, чего мы хотим, и сами мы не можем желаниями корректировать эту дорогу. Если судьба целого народа, русскоязычных немцев, находится и сейчас не в их руках, то кто знает, куда и как поведёт нас рок событий?

Часто вспоминаю первые годы проживания в Германии. Родственники, прожившие тогда здесь уже более пятнадцати лет, серьёзно предупредили, чтобы мы не вели на улицах и в общественных местах разговоры на русском языке. Им было стыдно за нас перед соседями. При каждом удобном случае они напоминали нам, что мы не в России. Местные прерывали наши разговоры на русском словами: «Если вы сюда приехали немцами, то должны и говорить по-немецки». В душу медленно заползал страх и мысль о том, что надо приспособливаться, подстраиваться под местное общество. Уже точно не помню, но, думаю, что тогда и начал разрастаться в душе страх, который впоследствии помешал остаться самой собой и привёл ко многим нежелательным последствиям.

Когда я однажды сказала на работе, что у меня две родины, стоявший рядом коллега усмехнулся:

– А у меня одна родина. О чём ты говоришь, Ирене? Ты же не можешь нормально разговаривать на немецком? Какая тебе здесь родина?

Я попыталась тогда рассказать парню историю моего рода, но он не хотел слушать и не понимал, о чём я вообще веду беседу. Он просто не хотел этого понимать.

– Так кто же мы? – думала я, придя в тот день домой и наблюдая за тем, как увлечённо общается мой шестилетний сын, первоклассник, на немецком языке со своим новым другом, мальчиком из семьи местных немцев, с которым он познакомился недавно в школе.

С того момента я начала менять стратегию обучения сына языкам, вернее сказать, начала вырабатывать новую тактику. Таким образом, я, учитель русского языка, предала язык страны, вскормившей меня, и сознательно поменяла мнение о необходимости младшему сыну знания русского языка.

– Ему только начинать жить. И он будет здесь продолжать свой род, так пусть уже сейчас пустит свои корни, – так решила я тогда сразу за всех: и за себя, и за сына, и за будущих внуков.

В тот момент я совершенно забыла о величии могучего и прекрасного языка Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Толстого...

Старшие дети, дочь и сын, к тому времени уже вылетели из родительского гнезда. В Германию они приехали, когда дочери исполнилось шестнадцать, а старшему сыну – четырнадцать лет. Дети накапливали уже свой жизненный опыт в новой стране, создавали свою судьбу, имея за плечами знание русского языка, полученного в стране их рождения.

Прожив в Германии много лет, я поняла многое.

Профессиональное становление старшего сына, развивающееся на наших глазах, убедило ещё раз в том, что знание языка никогда не бывает лишним. В детстве, примерно до двенадцати лет, иностранные языки усваиваются без особых усилий, а вот позже эту ошибку исправить уже трудно. Старшему сыну знание русского языка помогло подняться по служебной лестнице. Он в настоящее время работает советником по оздоровительному питанию, по обмену опытом он – частый гость в Москве, Петербурге, Новосибирске и даже в Туркмении.

А младший член семейства, которого мы привезли сюда в трёхлетнем возрасте, так и остался человеком, не до конца понимающим нас, своих родителей, когда мы разговариваем с ним на русском, что затрудняет процесс общения. Сейчас он – программист, имеет постоянное место работы на одной из известных в нашем краю фирм. Но он имел бы больше возможностей профессионального роста, если бы знал русский язык в совершенстве. Да, он может сейчас читать в подлиннике Гёте и Шиллера, о чём я мечтала в своё время, но не может прочесть ни одного слова из книг, написанных мною на русском языке, в которые я вложила частицу души, своё понимание счастья. Сын внимательно слушает мои рассказы о литературных героях. Их мысли и чувства выражают у него сопереживание. Он может дать дельный совет, направить мысль мамы-автора в нужном направлении. Но когда я понимаю, что мои книги в оригинале он, наверное, никогда не прочтёт, руки опускаются. Это – трагедия, когда дети хотят, но не могут понять, из-за незнания и неумения различать тонкости языка, самых близких в жизни людей. В последнее время работаю над созданием родословной. В совершенстве могу это сделать только на русском языке. Вы бы видели беспомощный взгляд сына, когда я ему рассказываю о своих находках и открытиях. Он и в этом случае проявляет интерес. Но сможет ли когда-нибудь продолжить дело, начатое матерью?

Ведь это невосполнимо, когда дети не понимают языка матери. Но, может быть, ещё не всё потеряно, и в какой-то момент сын захочет заполнить эту душевную нишу, и начнёт самостоятельное изучение языка страны, в которой родился? Всё возвращается на круги своя: я тоже вернулась к пониманию того, что не надо предавать идеалы молодости, не надо приспособливаться к обывателям, которые пытаются унижить, неоднократно напоминая о том, что если мы приехали на историческую родину, то должны забыть прошлое. Как хочется верить, что через десятилетия никто не скажет в адрес наших правнуков: «Ах, вы из того дома, в котором живут переселенцы (аусзидлеры)?»

Осколки прошлого

Тропинками памяти

«Не стану я жалеть о розах,
Увядших с лёгкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой».

(А. С. Пушкин)

Много написано об осени, но каждый пишет о ней по-своему. Мне близки слова поэта, увидевшего в лозах винограда, созревшего в долине под горой, «отраду осени златой». А я в год переезда в Германию была поражена холмами, на которых располагались виноградные плантации. Они и сейчас, почти через три десятилетия, поражают своей красотой и жизнеспособностью. А тогда я в течение нескольких месяцев на автобусе сопровождала трёхлетнего сына в детский сад, который был расположен в одной из окрестных деревень.

Надо сказать, что в то время мы проживали вместе с другими переселенцами из Союза в доме-общежитии семей на пятьдесят. Это было трудное время для всех, но детям было труднее. Мы и сейчас не знаем, что творилось в их маленьких головках, когда они оставались в чужой атмосфере, обстановке и среди незнакомой речи. А наш малышка к тому же ещё только недавно научился говорить по-русски и никогда не жил в окружении незнакомых людей.

Остро ощущая страх за сына, я ездила с ним несмотря на то, что в автобусе всегда был кто-нибудь из родителей, сопровождавший детей. Общественный транспорт в Германии не очень развит. Между отдалёнными населёнными пунктами автобусы ходят редко, хотя и по расписанию, поэтому мне часто приходилось возвращаться домой по холмам мимо виноградников, по асфальтированным дорожкам, проложенным между ними.

До сих пор помню, что я захлёбывалась воздухом от переизбытка кислорода, пьянела от запаха и проб с винограда. Правда, его собирать на этих плантациях – запрещено. У каждой виноградной лозы есть свой хозяин, как и у каждого плодового дерева по обочинам дороги. Но я не могла удержаться от желания попробовать эти манящие плоды. Тем более что они были различны по форме и цвету, и вид у многих ягод был «продолговатый и прозрачный, как персты девы молодой». Так часа по два в день путешествовала я между виноградниками, не замечая, как приходила домой, наполненная энергией и желанием найти себя в новой жизни.

С той осени прошло почти тридцать лет. За это время муж вырастил свой маленький виноградник во дворе дома, который мы приобрели два десятилетия назад. В течение многих лет, чтобы доставить мне радость, он выбирает самую зрелую гроздь и молча оставляет подарок на кухонном столе, зная, что буду рада. День ото дня плоды на лозах становятся нежнее, мягче, сочнее.

Воспоминания не оставляют меня. Возвращаюсь тропинками памяти в далёкие школьные годы. В детстве мне посчастливилось несколько раз провести часть каникул в тёплых краях. Однажды мы гостили всей семьёй у маминой сестры в Казахстане, в посёлке Джетысай, недалеко от Ташкента. Там я впервые увидела большие плантации с виноградными лозами.

Наелись мы его тогда вдоволь. Особенно понравился сорт дамские пальчики, наверное, именно эти плоды поэт и назвал «перстами девы молодой». С тех пор запомнился и сорт винограда – изабелла, особенный по вкусу и запаху. Почему-то в интернете на сайте «Виноград. Всё о винограде» я такого сорта не нашла. Может, память подводит? А, может, мы сами его так когда-то в детстве назвали...

Родом мы с мужем из сибирского края. Виноград и в детстве, и значительно позже ели только по праздникам, да и не помню, чтобы нас кто-нибудь угощал им. Дорогое это было удовольствие. А когда появились дети, покупали его на рынке за дорогую плату, чтобы порадовать их хотя бы его видом.

Много лет назад мамин брат, дядя Эрвин, переехавший в Германию из Эстонии с семьёй намного раньше нас, привёз в подарок несколько черенков винограда и именно изабеллы. Муж отнёсся к подарку бережно. Защищал его от нашего пса Вушеля, который, свободно прогуливаясь по территории двора, всё норовил добраться до его корней. Несколько отростков муж сумел отстоять. Они прижились. И вот теперь у нас собственный виноград, чем и гордимся.

К сожалению, дяди Эрвина уже несколько лет нет среди нас. Виноградные лозы каждый день напоминают о нём. Часто в мыслях возвращаюсь к событиям того памятного дня, когда он с семьёй был у нас в гостях. Это был семейный праздник.

Даже самой не верится, что мы пустили здесь корни. Четыре поколения собрались в тот день за щедро накрытыми столами. Звучала музыка: русские и немецкие песни. Воспоминания, сопровождаемые показом фотографий через диапроектор, лились рекой. И вот тут-то мы и наши дети ещё раз почувствовали, что наши корни крепко связаны с плодородными землями Грузии, где родилась моя мама, откуда была депортирована с семьёй осенью первого года Великой Отечественной войны.

Её сёстры и братья, друзья-одноклассники, присутствовавшие на вечере, вспоминали детские годы и молодость, рассказывали о своём селе, которое окружали виноградники, о вине, молодом и терпком, которое изготавливали их отцы и деды. Я ощутила в тот вечер атмосферу немецкого села, которое в несколько дней перестало для многих быть домом. Казахстан и Сибирь стали их второй родиной. Грустно всё это вспоминать и больно за родителей, за народ, который в России называют немецким, а в Германии – русским...

Что-то взгрустнулось мне сегодня. Наверное, поздняя осень – виновница тому. Перепады погоды отражаются на настроении. Но не для того мы живём, чтобы тосковать о былом, разбираться в его перипетиях. Нашим детям и внукам жить в этой стране, которую мы для них выбрали. Имели ли мы право решать за них, распоряжаться их судьбами? Не знаю. Это уже другой вопрос.

Возвращаюсь мыслями в сегодняшний день. Осень этого года богата виноградом, и виноградного вина – хоть отбавляй. Каждому известно, что небольшое количество красного вина снижает риск сердечных заболеваний. Может, поэтому весь октябрь в городах и посёлках юга Германии проходят праздники, посвящённые ему. Молодое вино и луковый пирог – здесь визитная карточка осени.

В наших краях принято говорить о лёгких винах с фруктовыми нотами. Так, в двухстах метрах от нашего дома находится дом местного предпринимателя, специалиста по виноградному вину – фирма Егле. Здесь можно приобрести бутылочку вина с мускатом, малиной, грушевым, яблочным привкусом. Не знала я раньше, что существует наука ампелография, которая занимается изучением винограда. Не знала и того, что после сбора винограда его лоза продолжает накапливать минералы, которые расходуются в течение периода относительной спячки и питают рост лозы в новом сезоне. Также не знаю, что ещё известно моему мужу по этому вопросу, но уверена, что его заботливые руки являются одним из условий хорошего урожая нашего миниатюрного виноградника.

Через несколько дней наша семья будет праздновать день рождения мужа, отца. Придут дети: дочь Ольга с мужем Василием, старший сын Виктор – из Берлина, младший сын Даниель с женой Шарлине, проживающие с нами в общем доме. Вот тогда и попробуем его виноградного вина и виноградного сока. Луковый пирог тоже найдёт своё центральное место на празднично накрытом столе, и друзья заглянут на огонёк.

Пишу эти строки, а в душе, не переставая, звучат строки Булата Окуджавы:

«Виноградную косточку в тёплую землю зарю,
И лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
И друзей созову, на любовь своё сердце настрою.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?»

Незапрограммированная родословная

Я помню немного из того прошлого, когда появилась на свет. Это было так давно. Может быть, в процессе написания воспоминания польются из моей души, и я попытаюсь восстановить ушедшие из памяти события, но в настоящий момент, когда я думаю о прошлом, перед глазами встаёт только необжитый таёжный край, который по истечении времени я не могу назвать даже провинцией. Сюда не дошла цивилизация и сегодня. Как я сейчас понимаю, это был край ссылок политических и неполитических преступников и спецпоселенцев.

Там в одном из бревенчатых домиков, сколоченных наспех на случай приобретения крыши над головой, я и родилась в семье немцев по историческим корням, высланных в тысяча девятьсот сорок первом году на вечное поселение обживать и благоустраивать этот таёжный край. Здесь и прошли пять первых лет моей жизни.

Моя мама родилась в большом немецком поселке Катариненфельд в Грузии. Позже это местечко получило название Люксембург. В настоящее время это город Болниси.

Там мама проучилась в немецкой школе до седьмого класса. Как она вспоминает: до этого года все предметы велись на немецком языке, учителями были местные немцы. Примерно в тысяча девятьсот тридцать восьмом году их школа была закрыта, часть учителей арестованы. В школах было введено обучение на русском и грузинском языках. Мать в то время не могла ни писать, ни читать по-русски, тем более по-грузински: школу пришлось бросить. На этом закончились её университеты.

В первые месяцы войны все мужчины в селе были арестованы, и больше о них ничего не было слышно... Пропали без вести... Ходили слухи, что деда выпустили. Не застав дома семьи, он пустился на поиски, но не дошёл, не нашёл, умер по дороге... Во всяком случае в списках живых больше не значился.

В октябре тысяча девятьсот сорок первого года в числе других немецких семей семья матери была отправлена на вечное поселение в Казахстан. «Это была моя родина, – сказала мать однажды, – с парой чемоданов, подписав бумагу, что мы навечно, без права вернуться, высланы из родных мест, легко одетые, без достаточного запаса еды, мы вынуждены были покинуть родные места. Мы были вырваны из нашей прошлой жизни и брошены посреди казахстанских степей своей страной на выживание. Так стали мы русскими, такой дорогой ценой обретя свободу и возможность жить среди них».

Это было только начало скитаний и борьбы мамы за существование, начало её жизненного пути, полного непонимания сути вины и возможности освобождения от неё. Она, как и все её соотечественники в те годы, покорила судьбе. Всем тогда было несладко. Десятки тысяч русских по своим корням были уничтожены во время войны в Гулаге, но это другая тема...

Семье матери, оставшейся в Казахстане, тоже пришлось нелегко: мать, то есть моя бабушка по линии матери, вскоре умерла. Старший брат мамы учился до войны в Ленинграде. Он пропал без вести. Отец так и не вернулся из мест лишения свободы. Младшие сёстры и брат были брошены на произвол судьбы.

Моя же мать, будучи старшей из сестер и совершеннолетней, была вырвана из семейной обстановки ещё при жизни матери и в числе других немцев по происхождению отправлена на север Архангельской области на лесозаготовки. Там прошла её юность. Там научилась она любить и ненавидеть, благодарить и прощать, бояться и приспособливаться. Там ковался её характер.

Когда война закончилась, одну из маминых сестёр вызвал её одноклассник в Кемеровскую область, в Сибирь. Позже сестра вызвала к себе маму. Так началось восстановление семьи. Так впервые нога одного из членов нашей семьи ступила на сибирскую землю, мою родину.

Информация для тебя, мой друг читатель: Спецпоселение – это советский метод лишения свободы. Режим спецпоселения был введён советским правительством в начале тысяча девятьсот сорок пятого года для немцев и других депортированных народностей. Я не историк, но знаю, что для российских немцев это была форма полицейского контроля, когда их переселяли навечно в отдалённые районы без права возврата по прежним местам жительства. За побег с места поселения было определено наказание в виде двадцатилетних каторжных работ. Все спецпоселенцы должны были подчиняться специально созданному при НКВД аппарату власти – спецкомендатуре. Без её разрешения они не имели право отлучаться за пределы района поселения. Самовольная отлучка приравнивалась к побегу и вела к уголовной ответственности. Все главы семей спецпоселенцев обязаны были ежемесячно отмечать в спецкомендатуре членов своих семей. О рождении ребёнка, смерти члена семьи, регистрации брака, а также о побеге нужно было в первую очередь сообщать в спецкомендатуру.

Тема положения русских немцев в Советском Союзе была табу с тысяча девятьсот сорок первого по тысяча девятьсот пятьдесят шестой год. Правда об их положении не была доступна никому как в стране, так и за рубежом.

К сведению жителей Германии: В Федеративной республике Германии в тысяча девятьсот сорок девятом году было организовано министерство изгнанных, а в тысяча девятьсот пятидесятом году в Штутгарте – землячество немцев из России.

В пятидесятые годы, после смерти Сталина, содержать немцев и другие депортированные народы становилось политически и экономически невыгодно. Содержание некоторых малых народов под полицейским режимом препятствовало налаживанию нормальных отношений с Германией, странами Ближнего Востока, а содержание большого аппарата власти по осуществлению жестокого контроля над спецпоселенцами стоило государству больших средств, которые превышали выгоду от таким образом удерживаемой остро необходимой рабочей силы на стратегических промышленных объектах северных и восточных регионов страны.

После смерти Сталина новое советское руководство старалось завоевать симпатии у населения. По расчётам правительства реабилитация народов, репрессированных в период сталинского режима, могла повысить политическую устойчивость. Никто не забыт – ничто не забыто. События из истории не выкинешь, судьбу не перекроишь, время назад не повернёшь.

Мама в своём почти девятидесятилетнем возрасте с содроганием вспоминала те жуткие годы унижений и нравственного уничтожения, годы выживания и низменного существования. Тогда, много лет назад, проживая в отрыве от семьи и подчиняясь законам спецкомендатуры, она поняла, что, родившись немкой в семье немцев, эмигрировавших ещё во времена Екатерины Великой в Россию, она обречена на всю жизнь на звание врага народа на своей Родине и должна нести лямку непосильного труда, определённую ей судьбой. Она оказалась стойкой, сумела пройти этот жуткий долгий жизненный путь бесчеловечного отношения к человеческой личности. За что ей хвала и слава от нас, следующего поколения немцев по происхождению и без родины, находящихся вечно в мыслях и по жизни в пути.

Отец мой познакомился с мамой в конце сороковых годов на сибирской земле. Его история молодости немногим отличается от маминой. Он родился в одной из немецких деревень в Оренбургских степях в семье сельского учителя. Впоследствии он не любил рассказывать о своём детстве, юности и трудных условиях жизненного становления. Всё же некоторые сведения о его жизни в те годы мы сумели получить из воспоминаний многочисленных родных и близких. Семья у них была большая: кроме него ещё четыре брата и одна сестра. В немецкой деревне семья считалась интеллигентной, так как отец был учителем. Мать же, моя бабушка, которую мне не довелось увидеть, посвятила свою жизнь полностью мужу и детям. Чтобы прокормить столько ртов, ей нужно было с утра до вечера работать в доме, и во дворе, ухаживать за скотиной, содержать всё в порядке. Кроме того, ей надо было трудиться и в поле...

Исторические события, а именно Вторая мировая война тысяча девятьсот сорок первого года, в корне изменила судьбу моего отца. Она застала его на полигоне, где он в это время уже работал механиком по обслуживанию самолётов. Он пользовался большим уважением среди коллег. Насколько было возможно, начальство оберегало его от репрессий по отношению к этническим немцам, которые сплошь и рядом прокатились по стране. По крайней мере у него сложилось такое впечатление, и он пронёс его через всю жизнь.

Тысяча девятьсот сорок второй год оказался решающим в биографии отца. Он был на военной службе всё-таки выявлен как немец, находящийся почему-то в Советской армии, и выслан в Сибирь на шахтовые рудники. Так закончилась юность отца, и начались годы выживания в новой обстановке с новым титулом фашиста в новых условиях, и что было самое страшное – под постоянным контролем спецкомендатуры.

В семье до смерти отца в тысяча девятьсот семьдесят четвёртом году было не принято говорить о событиях этих страшных лет.

Когда я родилась через шесть лет после окончания войны, он работал в шахтовом забое в ужасных условиях. Человеческий организм так устроен, что он ко всему привыкает, и здесь он помог примириться отцу со сложившимися обстоятельствами, приспособиться и выжить.

Только однажды, когда мне было лет четырнадцать, папа осмелился рассказать, что неоднократно в военные и послевоенные годы работники КГБ пытались заставить его предавать своих друзей и товарищей. Он отвечал отказом, что могло повлечь за собой дальнейшее ухудшение его положения или трагично повлиять на его судьбу.

В шестидесятые годы двадцатого века, после принятия указа о реабилитации немцев, многие соратники отца по жизни в Сибири стали семьями переезжать в другие места многонационального Советского Союза. У отца уже не было физических и душевных сил, чтобы последовать их примеру. К этому времени он построил дом, имел прочную семью, троих детей, домашнее хозяйство. Всё как у людей. Я часто вспоминаю его слова: «Так хорошо, как мы сейчас живём, мы ещё никогда не жили. Мы останемся жить здесь, в Сибири, навсегда...».

Он остался в таёжном краю навсегда. Об этом свидетельствует мраморный обелиск на кладбище, расположенном на одном из пригорков, обрамляющих мой родной шахтёрский городок. Несколько месяцев не дожил отец до пятидесяти четырёх лет. Постоянный стресс и физические нагрузки сделали своё дело. Человек – не вечный механизм, он тоже изнашивается.

Смерть отца была для меня первой трагедией, от которой я долго не могла оправиться. Траур по нему я пронесла через всю жизнь. Он был человеком большой души и благородного сердца. Судьба приготовила ему много испытаний, из которых он всегда выходил с честью, не унизив своего достоинства, не запятнав совести.

Есть люди как звёзды. Они появляются в жизни на короткий миг, выполняют свою миссию на планете Земля и исчезают, растворяются в пространстве, в пустоте, в вечности. О них остаётся только боль утраты и отблески воспоминаний. Я всегда думаю, что отец незримо присутствует везде, где я нахожусь, помогает мне преодолевать препятствия, ставить новые жизненные задачи и их разрешать. Знаю точно, если бы отец не так рано ушёл из жизни, я бы достигла большего, достигла бы всего того, о чём постоянно стонет моя душа, испытывая неудовлетворённость моим образом жизни.

Отец очень гордился нами, своими детьми, об этом рассказывают его братья. Он безмерно любил меня. Эта любовь давала мне толчок для достижения определённых вершин в жизни. Насколько я ещё помню, в мои школьные и юношеские годы я многое делала, чтобы его порадовать, ему рассказать, броситься к нему на шею после даже недельной разлуки и взахлёб поведать о своих поступках, мыслях, открытиях... Он понимал всё с полуслова и готов был прийти на помощь по первому зову. Теперь по прошествии многих лет я думаю, что отец

был единственным человеком в моей жизни, который понимал меня и готов был на всё, чтобы сделать меня счастливой.

Перед отъездом в Германию я пыталась изучить историю моей семьи. На мой запрос, касающийся этого промежутка времени, из Министерства Государственной безопасности мне были высланы справки, подтверждающие мои предыдущие слова.

«Фашисты, немцы...» – эти слова сопровождали меня в раннем детстве, заставляя уйти в себя, не искать друзей, а ждать, когда они найдут меня, не высовываться вперёд, а терпеливо дожидаться пока меня увидят и, может быть, отметят, хотя бы за школьные заслуги, а позже, в юношеские годы, бояться знакомиться с парнями: вдруг они по фамилии догадаются, что я – немка.

Уже примерно в пятилетнем возрасте я поняла, что меня окружает какая-то семейная тайна. Однажды я сделала для себя открытие, что родители говорят на каком-то другом языке, чем тот, на котором разговаривают на улице мои друзья, что я практически могу говорить на двух языках.

Только позже я поняла, что немецкий – мой родной язык, на нем говорили и друзья моих родителей. По выходным они приходили семьями к нам в гости. Мама готовила к этим встречам всегда что-нибудь особенное. Блюда носили интересные названия, которые не понимали мои друзья. Постепенно я отошла от подруг. Я не была ни в яслях, ни в детском саду, дичилась детей на улице, и практически до шестого класса друзей у меня не было. Тогда я ещё не знала, что принадлежность к немецкой нации в будущем изменит мою, казалось бы, уже сложившуюся жизнь.

Когда я думаю о детстве, я удивляюсь, что жизнь так быстро пролетела. Сейчас, в мои почти семьдесят, я поняла значение фразы: коротка жизнь. Если честно, я помню в основном отрицательные её моменты: когда меня кто-нибудь обижал, незаслуженно наказывал. Ещё я помню, какое удручённое состояние я испытывала, когда оказывалась одна среди людей. Одиночество, непонимание, тоска окружали меня с детства. Состояние удручённости и недопонимания не давали покоя.

Родители не вмешивались в процесс нашего обучения и становления. Я только сейчас понимаю почему. Отцу, уставшему от работы в шахте и на огороде, было не до нас, в смысле контроля за посещением школьных занятий, выполнения нами домашних заданий, но он систематически посещал родительские собрания. Этого ему хватало, чтобы понять, что мы со старшим братом не нуждаемся в помощи. Младшей сестрёнке мы должны были помогать в преодолении трудностей, по крайней мере в точных науках. Я только помню, когда однажды она получила двойку, отец не сдержался и дал мне пощёчину. Я долго не могла забыть эту, по моему разумению, незаслуженную обиду.

Многое видится на расстоянии по-другому. Раньше я удивлялась, почему мама неправильно произносит окончания многих слов, не любит говорить с соседями на улице, почему к нам не заходят соседи или коллеги родителей по работе, а только друзья отца и матери по их прошлому. Сейчас, по истечении времени, я способна понять и проанализировать, осознать и простить многое из того, что было недоступно моему пониманию в детстве.

Сейчас, пользуясь возможностью, я прошу прощения у моих родителей за чёрствость души и недалёкость в детские, да и юношеские годы моей жизни. Я не могла до зрелого возраста понять, почему мама боялась стука в дверь, прихода незнакомых людей, почему отец, а не она, ходил на родительские собрания. Почему она плакала, казалось бы, без причины, почему она не пыталась вмешиваться в процесс нашего становления. Она не понимала значения, казалось бы, простых слов, которые по моему разумению были обычными. Я не могла понять, почему она говорит с каким-то акцентом...

Я была рада, что родители давали мне время для самообразования, не досаждали просьбами о помощи по домашнему хозяйству, не давили на психику. Сейчас я благодарна им за это. Насколько я помню, в пять лет я научилась читать. Мой брат тогда пошёл в первый класс. Я ему очень завидовала, выполняла вместе с ним его домашние задания, просматривала его учебники. Так и началась моя школа получения знаний.

Насколько я себя помню, всё свободное время, не отставая от брата, я посвящала чтению книг. Нашла городскую библиотеку и была постоянным её читателем. Хорошо помню, как в третьем классе мне было стыдно сдавать библиотекарю непрочитанную книгу, потому что она меня не заинтересовала, а библиотекарь часто спрашивала о содержании книг. Она поразилась, что в моём возрасте я беру по несколько книг для прочтения и непременно приношу их через несколько дней обратно. В школе тоже была библиотека, но она, вероятно, уже тогда не удовлетворяла мои потребности.

Мои двоюродные братья и сёстры до сих пор помнят нас с братом, сидящими за чтением книг, когда они приходили с родителями к нам в гости. Впоследствии это увлечение стало для меня профессией.

Доказательством из прошлого являются старые фотографии, которые нашли своё место в семейном альбоме родителей. Фотография, на которой много незнакомых людей, а мы, малыши, сидим внизу в один ряд, рассказывает о многом. Интерес к ней у меня проявился только в Германии, когда я пыталась осознать своё прошлое. Моя мама в восьмидесятилетнем возрасте познакомила меня заочно с этими людьми, многих из которых уже нет в живых. Они были поддержкой и опорой друг другу в военное и послевоенное время. Это были такие же, как мы по историческим корням немцы, вина которых перед советским правительством была лишь в том, что они родились в семьях немцев по национальности. Они были также, как и мои родители, сосланы в сибирский край в первые военные годы.

Сегодня я смотрю другими глазами на это фото, можно сказать, с большим любопытством. Я пытаюсь понять чувства этих людей, проникнуть в их мысли. Хотелось бы очень узнать, что испытывали они в то трудное время, о чём думали, о чём мечтали? Теперь этого уже не узнать. Почти всех уже нет в живых.

В тысяча девятьсот сорок девятом году родился мой брат. В это время родители узаконили свои отношения. Через год родилась и я. Ещё через пять лет нас порадовала своим появлением на свет моя младшая сестрёнка. Таковы краткие данные о моём близком семейном окружении, которое, само собой разумеется, повлияло на становление моего характера.

Насколько я помню, атмосфера в семье была всегда какой-то напряжённой несмотря на то, что родители понимали друг друга с полуслова. Мы, дети, их бесконечно любили. Внутрисемейные отношения были лучше некуда, а вот напряжение, какой-то страх перед внешним миром сказывался во всём. Мать ни на минуту не забывала, как с ними обошлись в годы войны. Как я уже говорила, она жила в постоянном страхе перед людьми, в страхе ожидания после любого стука в дверь. От каждого чужого человека, переступавшего порог нашего дома, она ожидала неприятностей, часто плакала.

Уже тогда в детстве я решила для себя, что во что бы то ни стало стану учителем и непременно учителем русского языка и литературы. В то время я была убеждённой атеисткой, но Бог услышал мои невысказанные молитвы. Будучи семнадцатилетним подростком, я стала студенткой факультета русского языка и литературы, который успешно закончила через четыре года.

Так сбылась моя первая осознанная мечта. Так я поборолa первый детский страх, основанный на том, что имею не всеми признаваемую родословную.

Приволье и дочь шахтёра

В последнее время часто брожу во сне по безбрежным полям. Различные по виду злаки кланяются мне колосьями, а я не знаю их названий. Бреду, предполагая, что это пшеница, вдыхаю её запах и улыбаюсь сквозь слёзы, как будто домой вернулась.

Вспоминаю часто отца, как он зимними вечерами рассказывал нам о родном степном крае с неземным ароматом трав. В такие моменты он был поэтом. Говорил о том, что в вечерние часы воздух его детства наполнен ароматом левкоя душистого, маттиолы и вечерницы печальной, медуницы, резеды, чабреца. Для меня, родившейся среди шахтёрских терриконов, эти названия до сих пор кажутся сказочными.

Сегодня я думаю, что, если бы отец не уехал рано из села Кутерля и не поступил в авиационное училище, не стал авиамехаником, и если бы не было пяти лет войны с Германией, погрузившими его, как немца по национальности, в шахтовые выработки Кузбасса, он бы стал учителем географии, или литературы, или поэтом, прославившим свой любимый край.

Разнотравно-ковыльная степь будила во мне желание – посетить малую родину отца. Неведомая земля волновала своими просторами, чудными названиями. В юности отец не посчитал мою мечту абсурдной, поддержал в планах на лето, выделил определённую сумму денег на поездку и отправил в самостоятельное плавание по стране.

С того момента я почувствовала себя на ступеньку выше на пути взросления. Мне тогда было неполных шестнадцать. Первый раз в жизни приобрела билет на поезд. Помню, что кассир по ошибке дала мне сдачу на четырнадцать рублей больше. По дороге домой я несколько раз пересчитала деньги. Когда ошибка подтвердилась, с полпути вернулась и отдала лишнее. Кассирша посмотрела на меня непонимающим взглядом, но деньги взяла. Я летела домой на крыльях мечты и была уверена, что поездка удастся, так как я знала приметку: если совершишь хорошее дело, то тебе это вернётся тройным добром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.